

ВИЛЛИ КУБЕК

**Я-РАЗВЕДЧИК
ПАНЦЕРВАФФЕ**

**Фронтвой дневник
стрелка бронемашины**

**ЯУЗА-ПРЕСС
МОСКВА
2015**

УДК 355/359
ББК 68
К 88

Оформление серии *Г. Федотова*

Кубек, Вилли.

К 88 Я — разведчик Панцерваффе. Фронтной дневник стрелка бронемашины / Вилли Кубек. — Москва : Яуза-пресс, 2015. — 448 с. — (Врага надо знать! Немецкие мемуары Второй Мировой).

ISBN 978-5-9955-0691-1

Если мемуары немецких танкистов заполняют не одну книжную полку, то фронтной дневник ветерана Панцерваффе, воювавшего на разведывательной бронемашине, — не просто редкость. Эта книга — единственная.

Автор прошел Восточный фронт, что называется, «от звонка до звонка» — с 22 июня 1941 года до падения Рейха. Приняв боевое крещение на легком броневике Sd.Kfz.222, он завершил войну стрелком тяжелого броневедомоцикла Sd.Kfz.231 (8-rad). Хорошо бронированные и вооруженные, отличавшиеся великолепной проходимостью, эти четырехосные машины считались лучшими в своем классе и применялись для разведки боем в танково-разведывательных батальонах и передовых отрядах Панцерваффе и войск СС.

УДК 355/359
ББК 68

ISBN 978-5-9955-0691-1

© Уткин А.Л., пер. с нем., 2015
© ООО «Яуза-пресс», 2015

3 октября 1940 г.

Все начиналось так. Призыв через полгода после отбытия имперской трудовой повинности в 13-й танково-разведывательный батальон в Зондерхаузене/Тюрингия. 4 октября был проведен отбор по профессиям для обучения по специальностям, например, как радист, стрелок, водитель и т. д.

Кое-кто, не желая стать, например, радистом, идет на обман. Дело в том, что первое распределение играет огромную роль, поскольку в зависимости от специальности и выполняемых обязанностей фронтовой риск различен. И вот в зависимости от умения работать со схемами и аппаратом Морзе, а также способности принимать и передавать радиосообщения и производится отбор каждого с последующим направлением в ту или иную роту 13-го танково-разведывательного батальона.

6 октября 1940 г.

Все решил случай. Если хотите, я вытащил лотерейный билет, что меня назначили стрелком в бронемашину¹. У стрелков бронемашин больше шансов выжить — эти виды техники непосредственно в боях не участвуют.

По завершении периода необходимого обучения в Зондерхаузене меня и еще нескольких товарищей направляют в город Херманнштадт² в Румынии, где наш 13-й танково-разведывательный батальон использовался в качестве учебного подразделения для румынской армии.

¹ Бронемашина — бронированная разведывательная дозорная машина. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

² Ныне г. Сибиу (Румыния).

В Херманнштадте нас приняли весьма радушно. В городе проживало примерно 25 000 немецких трансильванских саксонцев и примерно такое же количество румын. В этом городе мы чудесно отпраздновали Рождество в гостях у немецких семей.

31.12.1940 г. наш 13-й танково-разведывательный батальон был переброшен в прикарпатский Пятра-Нямц. Поскольку мы были новички, мы прошли спецподготовку в учебном подразделении, занимаясь всем относившимся к нашей будущей специальности: огневой подготовкой, топографией, навыками составлять донесения. Проводились и практические занятия на технике — на тяжелых и легких бронемашинах. Разумеется, в программу обучения была включена традиционная строевая подготовка, так что приходилось и маршировать, что, откровенно говоря, особой радости нам не доставляло.

Что-то нам впоследствии пригодилось, что-то нет, причем зачастую именно важным навыкам уделялось гораздо меньше внимания, чем следовало: например, практическим занятиям на технике. По моему мнению, все члены экипажа, в том числе и стрелки, должны уметь управлять бронемашинной, причем достаточно умело. Если бы практике вождения уделили больше внимания, обучив хотя бы простейшим навыкам остальных членов экипажа, не было бы таких больших потерь драгоценной техники, которую нередко приходилось просто бросать по причине того, что водитель был выведен из строя.

Каждый стрелок, каждый радист бронемашинны обязан был уметь управлять ею.

13 мая 1941 года наше подразделение вместе с техникой отправили на погрузку на длинный железнодорожный состав. Никто из нас не знал пункта назначения.

После довольно долгого переезда по живописной местности мы 6 дней спустя, 19 мая 1941 года, прибыли в Германию, в небольшую деревеньку в Силезии под названием Зайберсдорф.

После разгрузки мы своим ходом продолжили путь в Эльгут-Тураву и Фихтен — небольшие села в Силезии, нас расквартировали в крестьянских домах.

Следующие дни прошли в занятиях строевой и оружейной подготовкой, а также в построениях. На всех постро-

ениях много говорилось о комплектности и боеготовности вооружений. К чему это все? Никто понятия не имел.

Проходили дни, в погожий летний день мы отпраздновали Троицу.

Наш 13-й танково-разведывательный батальон получил нового командира, ротмистра фон Шуленбурга.

По этому поводу небольшое торжество с угощением, пивом, шампанским и танцами.

В нашем 13-м танково-разведывательном батальоне произошли изменения и в кадровом составе, это коснулось офицеров. Для нас все упомянутые мероприятия так и остаются загадкой, никто никаких выводов сделать не в состоянии. Словом, всеобщее неведение.

19 июня 1941 г. мы прощаемся с нашими хозяевами. Около 7 утра транспортные средства нашей роты выстраиваются перед выездом на автодорогу местного значения.

4 легких бронемашин, в том числе и моя, становятся отдельно у въезда в деревню. Вся деревня высыпала попрощаться с нами.

В 7 ч. мы на бронемашине едем через Хохфельде, Радау в Фёрендорф, где оставляем 2 легкие бронемашин. Унтер-офицер Бутс и я едем дальше во Фрайхофен в расположение 3-й роты 13-го танково-разведывательного батальона, и нам предстоит осуществлять противовоздушную оборону.

Я двигаюсь почти в хвосте 3-й роты, наш отрезок пути идет через Гуттенберг, Людвигсталь, Катовице.

Свой пулемет МГ я держу на изготовку. В 16 ч. останавливаемся в замковом парке в Шекоцини. В городе мы видим первые следы боев Польской кампании. В большом парке достаточно места для всего 13-го танково-разведывательного батальона. Под огромными деревьями парка мы разбиваем палатки.

20 июня 1941 г.

В 7 утра подъем, уборка территории, в 10.00 отбытие. Маршрут следования: Големовы, Енджеув, Сташод. Теперь нам все чаще и чаще встречаются и настоящие развалины. Повсюду ужасно пыльно.

Около 18 ч. Размещаемся в лесу у Сташода. Быстро я чищу свой МГ, умываюсь и ужинаю. У нас еще достаточно воды в канистре про запас.

Мой водитель сооружает на ночь гамак, я сплю в бронемашине.

21 июня 1941 г.

В 7 утра подъем, до 12 ч. — свободное время. Маршрут следования: Осек, Сандомир, Билгорай. Почти все городки сильно разрушены, совсем как два года назад.

Особенно сильно разрушены Яновхуб и Билгорай, единственное, что уцелело там, как и во многих других городах, так это костел.

Около 20 ч. Размещаемся на ночлег в лесу. Наш 1-й взвод, а также подразделения других рот батальона находятся здесь уже несколько дней.

Технику загоняем под большие раскидистые ели. Интервал между машинами — от 100 до 200 метров. Мы сразу приступаем к маскировке техники, чтобы она не была заметна с воздуха. С дороги она не видна, оставлен лишь узкий проезд. После того как техника заправлена, как говорится, «под крышку», ужинаем, правда, не сразу находим нашу полевую кухню.

Около 22 ч. уже темно. Ставим палатку и только в полночь укладываемся спать.

22 июня 1941 г. — начало войны с Россией

В 6 ч. подъем. Дежурному унтер-офицеру приходится несладко — надо ведь обежать все до единой палатки.

Умываемся и идем на построение. В лесу видим огромные воронки от бомб.

Наша рота собирается у машины канцелярии. Около 7 ч. передали сообщение. Мы просто лишились дара речи, все до последней минуты думали, что просто минуем территорию России транзитом по пути в Ирак.

Война с СССР для нас как снег на голову. Теперь становится понятным, почему ночью так гудели самолеты. Наш 3-й взвод осуществляет противовоздушную оборону.

По ту сторону железнодорожной линии выстраиваемся в треугольник. Меня три раза гоняют с места на место, привожу в боеготовое состояние оружие — пулемет МГ, пистолет и автомат.

Мой водитель маскирует наш танк, чтобы он не был виден с воздуха. Около 12 ч. дня прибывает лейтенант Грош и отдает приказ следовать за ним. И тут же, поддав газу, отъезжает. Наш батальон уже отправился. Внезапно до нас доходит, что палатка-то наша еще в лесу, то есть позади. Встречаем Вальтера, тот говорит нам, что наши вещи уже забрали, в общем, снова приходится возвращаться.

Примерно через 15 километров встречаем унтер-офицера Бутса, его машина забарахлила. Какое-то время приходится подождать, но вот неисправность ликвидирована, и мы вместе двигаемся дальше.

Мимо следуют рота за ротой. Все, оказывается, очень серьезно. Лейтенант Грош возвращается на мотоцикле и снова берет на себя командование.

Прибываем в Замость, это в 46 километрах от польско-советской границы. Замость — самый крупный польский город, который мы видели до сих пор, и в то же время самый красивый.

Сегодня воскресенье. Много поляков с любопытством разглядывают нашу колонну. В городе сильное движение. Через Замость тянутся длиннющие колонны, повсюду на перекрестках регулировщики. Мы проезжаем через город и скоро догоняем свою роту, техника и транспортные средства стоят в каком-то огромном сарае. Мой водитель меняет маховик, а я основательно чищу свой МГ.

Сегодня нам выдали усиленный паек.

В 21 ч. сооружаем кровать: 10 тюков соломы, а поверх них одеяла. Остающимися одеялами и плащ-палатками накрываемся. Моя бронемашина с тремя стрелками из обоза обеспечивает противовоздушную оборону.

Тут же рядом сложено все необходимое: каски, противогазы, сапоги, обмундирование.

Нанесут ли нам визит русские?

К 21 часу улицы должны быть очищены от гражданского населения.

23 июня 1941 г.

Подъем в 5.15 утра, о русских пока ни слуху ни духу. Я хорошо выспался на открытом воздухе.

Солнце пригревает. Поскольку делать нам нечего, мы отдыхаем. Я по-прежнему обеспечиваю противоздушную оборону.

В 10.30 начинаем продвижение к русской границе. Все пока идет по-старому.

Сотню метров проедем, остановимся, потом едем дальше. Таким образом, к 24.00 одолеваем всего 40 километров. И это за 13 часов! Пешком и то быстрее.

24 июня 1941 г.

Поспать в ту ночь так и не удалось. То останавливаемся, то снова едем. Заметно похолодало, я взял плащ-палатку. По наведенному понтонному мосту через пограничную реку Буг попадаем на территорию России.

Что ждет нас здесь? Кто из нас и когда снова пересечет эту границу по пути домой? Думаю, этот вопрос тогда задавали себе многие из нас. Едва проехав первые 100 метров за пограничной рекой, замечаем первые русские бункеры, они пусты, их уже очистили от противника наши войска, наступавшие перед нами.

На дороге видим и первые солдатские могилы. Их две. Здесь шли ожесточенные бои. Нам тоже будет тяжело. По обе стороны дороги выгоревшие дома.

Вот уже час мы стоим на месте, все вокруг спокойно. Уж не затишье ли перед бурей?

И вдруг начинается неистовый фейерверк. Оказывается, нас быстро обнаружили, и из деревни, что в 500 метрах, по нам открывают огонь. Ничего не разглядишь — деревню скрывает густой кустарник. Из круглого церковного купола русские обстреливают нас из пулемета.

Слева подъезжает ничего не подозревающий связной-мотоциклист. В десятке метров от него хлещет пулеметная очередь. Он тут же ныряет в придорожную канаву.

Наши 2-см орудия наших тяжелых бронемашин ведут огонь по церковной башне, и вскоре почти сносят

ее. Один за другим загораются дома. Противотанковое орудие 3-й роты и еще несколько пехотных пушек ведут огонь и по деревне.

В 3-й роте нашего разведбата один наш товарищ получил ранение в бедро, он первый раненый в батальоне. Продолжаем движение, слева и справа от нас продвигаются войска. Путь следования забит техникой и транспортными средствами. Приходится объезжать. Колонна, извернувшись змеей, обходит затор.

Около 18 часов встречаем еще один танково-разведывательный батальон. Едва мы сворачиваем на поле, как двигатель, чихнув, замирает. Дальше следовать не можем и остаемся. Наш батальон отправляется дальше. Мы, не мешкая, начинаем устранять неисправность. Наш водитель Флизенберг снимает кожухи.

Около 19 часов приходит полевая кухня, мы получаем довольствие.

Водитель вновь пытается запустить двигатель. Прислушавшись, устанавливаю, что стучит крыльчатка — радиатор неплотно закреплен.

Начало лучше некуда! И мы в темноте пытаемся закрепить радиатор и, закончив, едва стоим на ногах от усталости.

25 июня 1941 г.

В 8 часов утра продолжаем движение, нас обгоняют другие колонны.

Километров через десять мы останавливаемся в деревне, съехав с дороги, и, наконец, имеем возможность умыться в какой-то деревенской хате.

Девушка приносит нам воды, мы все в пыли, свежая вода — просто божий дар для нас. После этого подкрепляемся и едем дальше. Через несколько сот метров мы застреваем в грязи, несмотря на уложенный саперами бревенчатый настил. И это еще не все — устанавливаем, что у нас работает только одно колесо — полетел кардан.

Тут уж хоть разбейся в лепешку, на одном колесе из грязи не выберешься. Такая же участь постигает и нашу легковушку. Прохожу метров триста вперед по дороге.

По старой дороге не ездят, впереди вижу объезд. Надо срочно найти грузовик, чтобы он выдернул нас.

Там, где дорога соединяется с той, по которой теперь осуществляется продвижение войск, стоит бронев-автомобиль. У него также неисправность, экипаж ждет ремонтников.

Рядом с бронев-автомобилем человек 15 русских плен-ных. Они выходят из леса, босиком, ноги сбиты до кро-вавых мозолей. Забираю 15 человек, и они вытаскивают нашу засевшую в грязи бронемашину.

Проехав до бронев-автомобиля, ожидаем нашего главного механика. По левую сторону от дороги в кю-вете вверх колесами лежит грузовик. Русские пленные, орудуя лопатами, забрасывают землей разбитую грун-товую дорогу. Ехать по ней нельзя, грузовики едва не опрокидываются.

Многие грузовики приходится вытаскивать — само-стоятельно они преодолеть болото не могут. С огромным трудом и крайне медленно колонны проползают эти пол-километра превратившейся в жижу дороги.

Часа через три появляется наш главный механик. Пиховяк берет нас на буксир своим грузовиком и вы-таскивает бронемашину к объездной дороге примерно в километре от бронев-автомобиля.

Доставленный им карданный шарнир с крестовиной не подходит. Унтер-офицер Шёнвальд, как раз нагнавший нас, согласился съездить за нужным карданным шарниром. По очереди мы умываемся в близлежащих домах. Местные жители, украинцы, весьма дружелюбно настроены и даже угощают нас парным молоком.

Между тем уже 8 часов вечера. Мой водитель и Калле спят прямо во ржи, я — у пулемета в нашей бронема-шине.

26 июня 1941 г.

В 7 часов утра подъем и сразу же за работу. Какой-то старик-украинец из соседнего села принес нам мо-лока и хлеба.

Семь человек из пункта по приему пленных обыски-вают местность в поисках разбежавшихся русских. К по-

лудню наша бронемашина исправлена. Откуда ни возьмись налетают 3 русских бомбардировщика — первые самолеты противника, которых мы увидели. И не сразу заметили. А когда заметили, вокруг уже рвались бомбы. Я успел схватить бинокль в машине, чтобы лучше рассмотреть их. И вот иду на поле, приставляю к глазам бинокль и уже в следующую секунду вдруг обнаруживаю, что лежу на земле.

То ли я сам улегся, то ли что-то меня заставило упасть, я так и не понял. Впечатление было, что со мной что-то произошло, только вот что — я так и не сообразил. Прикоснувшись ко лбу, я нащупал здоровую шишку.

И только потом я узнал, что русские сбросили 4 бомбы на располагавшуюся метрах в тридцати от нас у дороги батарею тяжелых артиллерийских орудий.

Посмотревшись в зеркало заднего вида, я увидел, что полкокарды у меня на пилотке как не бывало, а на лбу шишак.

Повезло тебе, сказал я себе тогда, еще чуть-чуть, и... Я предпочел не думать, что было бы тогда.

Мы быстро отводим бронемашину с дороги под деревья.

Вскоре появляется пара наших Me-109, но воздушный бой мы так и не увидели. Во всяком случае, уйти удалось лишь одному русскому бомбардировщику.

Быстро покончив с оставшейся работой, около 14 часов в полном одиночестве отъезжаем.

На наши вопросы относительно местонахождения нашего 13-го танково-разведывательного батальона никто ничего ответить не мог. Когда мы выехали на узкую проселочную дорогу, увидели, как по обе ее стороны все усеяно убитыми лошадьми, трупами русских и брошенными орудиями. Калле тут же, одурев от страха, забрался в бронемашину, где места всего-то для двоих — для водителя да для меня — стрелка. Впереди большой лесной массив. Выехав на широкое шоссе, обнаруживаем, что по нему передвигается 14-я танковая дивизия. И как раз на опушке этого большого леса расположилась БРТМ¹.

---

¹ БРТМ — бронетанковая ремонтная мастерская.

Дорога представляет собой жутковатое зрелище: повсюду на обочине подбитые русские танки. Большинство их сожжено, в основном это легкие средние машины, заметили мы и несколько разведывательных бронемашин.

Броню толщиной от 3 до 4 см без особых усилий пробивают наши противотанковые орудия. На некоторых танках мы насчитали до 20 пробоин.

Лесной массив примерно 2 километра в длину сплошь забит войсками.

Что и говорить — картина удручает. Выведенные из строя танки сумели отъехать от дороги на сотню метров, не больше, а большей частью вообще громоздятся вдоль обочин или в кюветах. Внутри машин виднеются обугленные останки членов экипажа, которым так и не удалось выбраться.

Нам рассказывают, что здесь было подбито примерно 200 русских танков, это все машины легкого типа. Собственные же потери в этом танковом сражении составили всего 16 машин — 5 полностью выведены из строя, а 11 повреждены. Многие из советских танков были буквально превращены в решето прямыми попаданиями наших снарядов. Их броня оказалась слишком слабой.

Видимо, наше наступление застигло русских враглов.

Продолжаем следование, но уже через 5 километров начинается барахлить зажигание. Сворачиваем на какую-то дорожку и своими силами пытаемся устранить неполадки. Несмотря на предостережения Калле, новая неприятность — водитель потерял какие-то хоть и небольшие по размеру, но важные части устройства зажигания.

И вот мы, как идиоты, стоим в поле, отстав от своих на добрых 5 километров.

Вокруг бродит довольно много отставших от своих частей русских солдат. Они представляют собой серьезную угрозу. Приходится как следует осмотреть местность поблизости.

В сотне метров от нас пылает одиноко стоящая хата. Подойдя поближе, никого не обнаруживаем, кроме разве что нескольких подбитых русских танков. Из люка одной из машин выглядывает мертвое лицо водителя, из другого свисает рука другого члена экипажа, погибшего

при попытке покинуть танк. В сгоревшей машине снова обнаруживаем обугленные трупы. Эта картина смерти и разрушения на всю жизнь запечатлелась в сознании — буквально с первых дней война показывает нам ужасное лицо.

Между тем стемнело.

На попутном грузовике добираюсь к ремонтной мастерской, но там обещают, что приехать и оттащить нас смогут лишь к утру.

Теперь уже на легковушке возвращаюсь к своим. Как быть? В конце концов нам все же удастся уговорить водителя проезжавшего мимо грузовика подтащить нас хотя бы до своего подразделения, которое расположилось в лесу неподалеку от нашей ремонтной мастерской. Их лейтенант ничего не имеет против нашего прибытия.

Они уже успели взять в плен еще с десятков русских, остальным удалось уйти в лес.

Фарами освещаем опушку, доносятся крики и выстрелы боевого охранения. Мы психуем.

Но уже вскоре я укладываюсь в танке спать — на всякий случай лучше отдохнуть, пока есть возможность.

27 июня 1941 г.

Подъем в 7 утра, у полевой кухни получаем кофе. Наш водитель вместе с кем-то из ремонтной мастерской приводит в порядок зажигание, а пока привожу в порядок машину. Жара страшная. Примерно в полдень отправляемся дальше.

Проехав около 15 километров, обнаруживаем новую неполадку в зажигании, хоть и мелкую. Но прежде чем устранить ее, все же предпочитаем поесть.

Когда я отправляюсь за водой, лейтенант предлагает взять с собой в дорогу кофе. Но, прибыв к полевой кухне, мы выясняем, что кофе весь выпит. Тогда лейтенант отдает приказ напоить нас чаем. Вот это я понимаю! Боевое товарищество! 10 минут спустя мы пьем свежий чай.

Устранив неполадку и залив в баки горючее, едем дальше. На этот раз возвращаемся к двум подбитым немецким танкам из другой танковой дивизии.